
УДК 94(470.6)»17/1917»
ББК 63.(235.7)5
И 60

Ю.М. Индрисов,

кандидат исторических наук, доцент кафедры историко-правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала Российской правовой академии, тел.: 8-928-509-35-25. E-mail: markes06@mail.ru

М.-П.Б. Абдусаламов,

кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства, г. Махачкала, тел.: 8-928-506-61-69, E-mail: vikingpasha@mail.ru

**Кумыкские феодальные владения в контексте
развития и краха теократического проекта
имамы Мансура в 1785-1786 годах**

(Рецензирована)

Аннотация. В статье на основе глубокого анализа и широкого использования разнообразных источников рассматривается движение шейха Мансура и отношение к нему кумыкских феодальных владетелей. По мнению авторов, восстание имама Мансура явилось предвестием национально-освободительного движения горцев в 20-50-х гг. XIX в.

Ключевые слова: Северный Кавказ, имамат, мюридизм, шариат, газават, Кизляр, шамхал Тарковский, шейх Мансур.

Yu.M. Indrisov,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Historical and Legal Disciplines Department, the North-Caucasian Branch of the Russian Legal Academy, ph.: 8-928-509-35-25. E-mail: markes06@mail.ru

M.-P. B. Abdusalamov,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of the Humanities, Daghestan State Institute of National Economy, 367 008, Makhachkala, Atayev St., 5, ph.: 8-928-506-61-69, e-mail: vikingpasha@mail.ru

**Kumyk feudal estates in a context
of development and crash of the theocratic project
of imam Mansur in the 1785-1786s**

Abstract. This paper, on the basis of the profound analysis and wide use of various sources, examines the movement of sheikh Mansur and the relation to him of the Kumyk feudal proprietors. According to the authors, the revolt of imam Mansur was a presage of the national-liberation movement of mountaineers in the 1820-1850s.

Keywords: North Caucasus, imamate, myuridizm, Sharia, hazavat, Kizlyar, shamhal Tarkovsky, sheikh Mansur.

Восстание Мансура сопряжено с попыткой создания на Северном Кавказе мусульманского теократического государства — имамата. Знаменательно, что сам он себя называл в своих посланиях имамом, также он назван в переписке северо-кавказских феодалов с россий-

ской администрацией в Кизляре. Изучение данной попытки представляет несомненный интерес в связи с последующим возникновением идеологии мюридизма. Есть все основания считать, что именно Мансур первым сформулировал и развил на Северном Кавказе идею об имаме

как легитимном вожде всех мусульман. Высокую оценку его личности давал имам Шамиль.

В отечественной литературе Мансура принято называть шейхом, но в абсолютном большинстве современных ему документов он обозначен как имам (лже-имам в официальной переписке и в прокламациях царской администрации) [1]. В письме к кизлярскому коменданту от 18 апреля 1786 года Ушурма указал в печати себя как «имам аль-Мансур» [2]. Имамом его называет и его современник, автор памятных записей Черва-Кадий из кумыкского селения Кизляр (ныне Моздокский район республики Северная Осетия) [3].

Мы согласны с западным советологом и кавказоведом Александром Бенгсенем, что без существования центра объединенных действий движение Мансура не могло бы получить такой размах. Как пишет этот же исследователь, письма имама написаны человеком, прекрасно знающим арабский и турецкий языки. Едва ли он сам мог бы освоить эти языки на столь высоком уровне, у него, безусловно, были советники и личные переводчики [4].

Интересные сведения о законоустановлениях имама содержит послание эндириевского владельца Алисултана Канбулата кизлярскому коменданту Вешнякову от 4 апреля 1786 года: «Называемой имам был в Андреевской деревне; и квартировал у меня, где, будучи приводил жителей Андреевской к вере, чтоб они наблюдали оную нерушимо; смертоубийцев наказывать таковою ж смертью; а за воровство рубить руки...» [5]. То есть Мансур на присоединяемых территориях вводил шариатские нормы. Потому нет никаких причин не считать Мансура имамом, по крайней мере, на подконтрольной ему территории.

Движение такого масштаба не могло возникнуть за один день или месяц. Оно зрело достаточно долго, ожидая удобного повода для открытого выступления. Такой момент настал 12 февраля и 4 марта 1785 г., когда два сильных землетрясения потрясли Северный Кавказ, посеяв в народе мысли о скором конце свете и создав тем самым

благоприятную почву для пропаганды гавата — «священной войны».

Говоря о Мансуре, было бы непозволительным упущением умолчать о фигуре его основного противника — генерал-губернатора Саратовского и Кавказского, родственника и протеже Г. А. Потёмкина, одного из главных усмирителей Пугачёвского восстания генерал-поручика графа Павла Сергеевича Потёмкина. Это был высокоодаренный человек, сочетавший в себе таланты успешного военачальника, администратора, придворного, историка и политолога (работы П.С. Потёмкина по Кавказу не потеряли своей актуальности и спустя несколько десятилетий после его смерти), писателя (входил в круг Хераскова), переводчика и драматурга. Убеждённый сторонник европейской цивилизации (особенно её экономической составляющей), он был одержим идеей её утверждения в соседних с его наместничеством казахских степях и кавказских горах. Кстати, именно он явился в 1775 году инициатором переименования реки Яик в Урал. Главным рычагом европеизации на окраинах он считал колонизацию, массовое переселение русских крестьян и немецких колонистов и строительство новых городов и деревень на вновь осваиваемых территориях. Именно он явился, говоря современными терминами, одним из модераторов Георгиевского трактата между Россией и Грузией 1783 года [6]. Современники представляют его человеком крайне энергичным, честолюбивым и властным, искусно пользующимся как вверенными ему военными силами, так и делегированными ему дипломатическими полномочиями.

Желая подавить нарождающееся движение в самом зародыше, П.С. Потёмкин отправил в июне 1785 года в Алды карательный корпус Пиери (Пьерри), но против ожиданий Потёмкина, воины Мансура одержали сокрушительную победу над корпусом Пиери, истребив и взяв в плен сотни солдат. Среди пленных был и будущий знаменитый полководец, герой Бородинской битвы — князь Багратион. Согласно местной легенде Мансур освободил его без выкупа, заявив, что уважает таких храбрецов [7].

Под впечатлением от победы имама феодалы в массовом порядке посещали организуемые им съезды, отправляли к нему своих послов. Особенные интерес и сочувствие к зарождавшемуся движению при этом проявили правители кумыкских феодальных владений. Даже наиболее лояльный к Санкт-Петербургу шамхал Тарковский отправил к нему своего кадия Аджи, который пробыл у него достаточно продолжительный срок [8].

5 августа 1785 года кизлярский комендант был оповещен, что из Среднего и Южного Дагестана «казанищенский владелец Казбулат с подвластными и с прочих деревень с собирающим народом равно и кандакских деревень два князя ехать туда ж намерены» [9]. Брагунский князь Арсланбек собрал в Кизляр, что к Мансуру стекаются кумыки из Аксая, Эндирея, Девлет-Герей-Аула. Окоченский татарин (мурза) Вали Килякаев дополняет эти сведения рассказом о вереницах добровольцев из Казанища, Кумторкалы, Эрпели, Карабудахкента, Каякента, Губдена, Усемикента и других сёл. В документах той эпохи упоминаются даже добровольцы из Шеки, Кубы (Кубинского ханства в Северном Азербайджане — Ю.И., М.-П.А.) и других мест Ширвана. На возмущение по поводу нахождения его подданных в войске Мансура шамхал Тарковский ответил, что, несмотря на все его всевозможные старания запретить им это, они уходят к имаму «тайным образом» [10].

Войска Мансура рекрутировались по 10 человек от квартальной мечети. Во главе этих десятков стояли тамады (старейшины) [11].

Почти с самого начала к национально-освободительной борьбе Мансура примкнули и представители феодальной элиты кумыков. Правой рукой имама (шейха) Мансура русские документы называют Али-Солтана Чепалова. Генерал-поручик П.С. Потёмкин так его охарактеризовал: «...Сей владелец с самого начала здешних замешательств был главнейшим помощником и другом бунтовщиков Ушурмы, а как он половиною всех кумыцких селений

владеет, то дружба его бунтовщику тем была полезнее, что подвластные сего Али-Солтана составляли лучшую опору бунтовщика» [12]. Ещё одним его близким соратником был сала-узденъ (дворянин) Казбек Умашев (Казбеков).

Стремясь развить успех от разгрома Пиери, собрав значительные силы (по некоторым данным, до 20 тысяч человек), Мансур решил идти на штурм Кизляра. На этом в первую очередь настаивали кумыкские владетели, чьи земли располагались в непосредственной близости от города и были уязвимы для его гарнизона [13].

16 июня 1785 года кизлярские текики (выходцы из Средней Азии- Ю.И., М.-П. А.) Чири Казбулатов и Даут Алиев докладывали коменданту Вешнякову: «В деревне Андреевской находились мы для продажи баранов, третьего дня имам с собранной сволочью пришел в урочище Козьму и расположился, и коим как слышно в толпе есть чеченцы, горцы, владельцы Казанышевской Казбулат Тишсиз-Баматов, с двумястами человеками, сих владельцев сами в проследование их мимо Андреевской деревни, о числе ж всей сволочи показать прямо не можем, ибо её не видали, но слышались от жителей Андреевских, что будет до двух тысяч, Андреевские князья кроме Темировых детей узденья и жители все подчинялись к имаму» [14].

В походе имама Мансура на Кизляр участвовали следующие эндиреевские (андреевские) князья: Чопалав Муртазали-Аджиев, Мамак Урусханов, Хамза Алишевич Хамзаев (впоследствии после прощения царский полковник), Баммат Арсланбеков и чанки Даут, Хангиши и Кирс со своими подданными. Восставших князей сопровождали уздени, в том числе первостепенные, такие, как Бежгара Аджи со своими двумя сыновьями и старшины Аксая, Эндирея и Костека: Казанов, Сакманжиев и Канлыев, а также отряды добровольцев из числа тарковцев, дженгутайцев, казанищенцев, шекинцев, шемахинцев и кубинцев. Им удалось захватить и сжечь Каргинский пост на подступах к Кизляру. 15 июля 1785 года 5-тысячный отряд

повстанцев атаковал крепостные стены города. Однако по целому ряду причин повстанцам город взять не удалось. Сказалась неорганизованность, отсутствие опытных командиров и осадных орудий [15].

Опасаясь ответных карательных мер кизлярского коменданта, эндиревцы обнесли своё село рвом и валом. 19-21 августа был предпринят второй штурм Кизляра, который также завершился для отрядов имама неудачно [16].

Одновременно с наступлением сил Мансура на Кизляр отряды Умма-Хана Аварского и Али-Султана Дженгутайского обрушились на Восточную Грузию. П.Г. Бутков оценивал численность их войска в 20 тысяч человек [17]. Вероятно получив известия об этом и проанализировав две неудачи под Кизляром, Мансур решил нарушить сообщение России с Грузией, совершив нападение на менее защищённое укрепление. В качестве цели был избран Григорополис в Малой Кабарде, находившийся на пути из Владикавказа в Астрахань и Екатериноград (ныне станица Екатериноградская в Кабардино-Балкарии). Заранее Мансур установил контакты с князьями и старшинами Малой Кабарды. Главным его сторонником в регионе явился князь Дол Мударов. По его наущению кабардинцы и черкесы, готовясь встречать войска Мансура, продавали скот и покупали оружие.

Сразу же после второй неудачи под Кизляром мансуровцы повернули на запад и начали стремительное продвижение в Кабарду. Наперерез им двинулись полковник Нагель и сам генерал-поручик П.С. Потёмкин.

2 сентября 1785 г. близ руин золотоордынского города Татартуп в Кабарде произошла битва между войском имама и регулярной армией. Следует отметить, что перед сражением войска Мансура стояли следующим образом: справа кабардинские наездники во главе с князем Долом, рядом с ними кумыки, руководимые самим Мансуром, слева тавлинцы и с фронта чеченцы и дагестанцы. Несмотря на своё упорство, повстанцы вновь потерпели поражение. Виной тому было техническое

превосходство царской армии. Каждый русский солдат был вооружён саблей и штыковым ружьём, кавказцы же зачастую были вооружены кинжалами, ручной работы кремнёвыми, фитильными ружьями, а значительная часть луками и стрелами.

30 октября 1785 года состоялся кровопролитный бой у Григорополиса, закончившийся безрезультатно для обеих сторон [18].

Во время отступления из Кабарды ярко проявился полководческий талант Мансура. Наученный горьким опытом, он использовал против пушек подвижные защитные щиты (каждый щит имел по две пары колёс), сбитые меж собой ряды брёвен и рассыпной строй. Мансуровцам удалось уничтожить 60 человек из отряда, преследовавшего его полковника Нагеля. Но план поднятия на борьбу народов Центрального и Западного Кавказа сорвался. Устрашённые появлением в Кабарде значительных сил во главе с самим П.С. Потёмкиным местные феодалы устроили массовое «паломничество» к нему с заявлением о покорности и непричастности к происходившим событиям [19].

В дореволюционной и в значительной степени в советской историографии бытовало представление о том, что движение Мансура было инспирировано Османской империей, но сведения, обнаруженные А. Бенигсеном в турецких архивах, неопровержимо говорят о том, что поначалу турецкое командование на Северном Кавказе встретило вести о появлении имама подозрительно и даже враждебно [20]. К этому были основания. 28 ноября 1785 г. восстал гарнизон крепости Согуджак в Абхазии, состоявший из турок, недовольных военным начальством. К ним присоединились ногайцы и адыгейцы. Восставшие заявляли о признании имамской миссии Мансура. Турецкие власти подавили восстание и казнили его организаторов [21]. Сами основы Османской империи не допускали существования в мусульманском мире иного имама, кроме султана — халифа. Лишь с началом русско-турецкой войны 1787-1791 годов коменданты турецких крепостей на черноморском

побережье Кавказа решились на контакт с имамом [22].

Неоднозначным было отношение к движению со стороны дагестанского духовенства, обладавшего уважением на всём Северном Кавказе. По свидетельству очевидца, поначалу дагестанцы говорили ему, «ты принадлежишь к классу людей, лишённых всякой культурности, на чём ты основываешь своё учение». В ответ Мансур сказал: «Приведите ваших (специалистов по богословию — Ю.И. М.-П.А.), они могут задать мне любые вопросы, которые захотят» и, бросив им такой вызов, он ответил на все вопросы дагестанских мулл. «Теперь они выполняют его приказания» [23]. Несмотря на это утверждение, значительная часть дагестанских мусульманских учёных встретила весть о начале деятельности Мансура враждебно. Среди таких его противников наиболее известной фигурой являлся Абу-Бак Аймакинский [24]. Спустя 45 лет его внук Саид Араканский будет едва ли не самым последовательным в Дагестане противником имама Гази-Магомеда.

В самом начале 1786 года П.С. Потёмкин перешёл в идеологическую атаку на позиции Мансура. В январе он, находясь в Кабарде, пригласил сюда всех северо-кавказских феодалов и в торжественной обстановке объявил о создании Кавказского наместничества со столицей в Екатеринограде у слияния Малки и Терека. Во вновь создаваемом городе была установлена двенадцатиметровая «Триумфальная арка» с медной надписью «Дорога в Грузию». О масштабе события свидетельствует то обстоятельство, что аналогичные арки XVIII века в России есть ещё только в Москве и Петербурге. Делалось это, чтобы поразить сознание местной элиты. Результат оправдал надежды Потёмкина. Именно в этом городе от имени шамхала Тарковского присягнул на верность России его посол визирь Лаварслан [25]. Однако после спада движения Мансура роль города упала, и он постепенно зачах.

К 1786 году меняются методы воздействия Мансура на соседние общества. Если раньше они примыкали

к нему в общем добровольно, повинувшись призыву к религиозной солидарности, то теперь он действует угрозами. В частности, он, намереваясь переселить в подконтрольный ему Мартан кумыков из расподложенных к северу от Сунжи кумыкских селений Брагуны и Девле-Герей-аул, грозился в случае неподчинения разорением [26].

25 апреля 1786 года эндиреевский владелец Али-Султан Канбулатов в своём письме к кизлярскому коменданту Ивану Силычу Вешнякову сообщал о своём намерении противодействовать шейху в мобилизации населения в собственном уделе [27].

Письмо кизлярского коменданта Ивана Силыча Вешнякова эндиреевским владельцам Темиру Хамзину и Аджи-Муртазали Чепанову от 13 января 1786 года содержит любопытные сведения о социальном составе сторонников идей газавата в Терко-Сулакском междуречье: «двое узденей владельца Алисултана, таулу Курман Аджиев, тума Сулейман Аджиев, третьей из Саны-аула Исмаил, а после дней Арслангиреев уздень — Аискебекова брата сын» [28]. Итак, это: три узденя, то есть представителей влиятельного сословия землевладельцев (среднего класса по меркам того времени), таулу, то есть горец, тума (по кумыкски: тувма), то есть отпрыск от брака узденя с представительницей княжеского сословия, выходец из загадочного Саны-аула (вероятно, описка, и в действительности правильно писать Сала-аул), вероятнее всего, тоже уздень. Тума по своему положению были близки западноевропейским бастардом, принижаемые своими более знатными родственниками, всеми средствами пытались отличиться и уравниваться с ними, если не происхождением, то богатством, отсюда склонность тума к участию в войнах, междоусобицах и набегах. Но основной движущей силой восстания Мансура в регионе являлось узденство [29]. В чём причина популярности построения теократического государства именно у этого класса, пусть и средних, часто мелких, но всё же собственников? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо

обратиться к европейскому опыту религиозных войн, где мы обнаружим, что опорой Католической лиги во Франции являлись представители средних слоёв городской буржуазии, аналогичным образом в Англии в XVII веке наиболее широкую поддержку пуританство получило в среднем классе, сформировавшем партию индипендентов.

7 апреля 1786 года Эндиреевский владетель Темир Хамзин сообщал кизлярскому коменданту Ивану Силычу Вешнякову об общении шейха Мансура: «Доношу вашему высокородию, что унтовщик Ушурма приезжал в аксаевскую и Андреевскую деревню квартиру; и в Андреевской квартировал у Алисултана, где, будучи, собрав из оных деревень народ, советовал с ним нижеследующее: 1-е. есть ли кто к российской стороне, поедет для учинения зла, таковых не пропускать; и за то грабить у них дома и брать штраф: а за воровство наказывать не трудно, вышеписанным штрафом же штрафовать; проезжающих от вас равно и от нас с караванными люди яко то из грузин или армян, либо из татар уговорились пропускать и без проводников безопасно». Очевидна попытка Мансура найти компромисс с царской администрацией, в контексте этого поиска компромисса следует воспринимать и письмо Мансура к кизлярскому коменданту от 18 апреля. Даже сам имам понимал, что после прошлогодних неудач вновь увлечь народ и особенно владетелей на «священную войну» будет чрезвычайно сложно, поэтому он стремился к компромиссу с царскими войсками. Однако его дипломатические инициативы были встречены крайне прохладно. П.С. Потёмкин перешёл в наступление, но действовал уже не военными силами, а успешно опробованной им в Поволжье и на Урале политикой подкупа старшин и князей подарками и торговыми привилегиями. К лету 1786 года спад мансуровского движения стал очевиден.

Аварский хан отказался присоединиться к Мансуру, объясняя свою позицию тем, что «у России сил много, а у дагестанцев нет сил и средств и поэтому дагестанцы не могут воевать»

[30]. Здесь присутствует не только дипломатический манёвр, но и попытка найти оправдание для своего отказа в религии, в частности, в священной для мусульман «Сунне», сборнике хадисов, один из которых запрещает мусульманам воевать с противником, если война грозит им гибелью.

Видя его неудачи и страшась наказания, даже в родном селении Мансура — Алды старшины начали тайные переговоры с царскими властями, уверяя в своей «непоколебимой верности Её Величеству» [31].

От Мансура отвернулись даже прежде его самые верные соратники Дол Мударов и Али-Султан. Стремясь наладить контакт с властями и добиться от них прощения, Али-Султан 3 сентября 1786 года объяснял П.С. Потёмкину в письме, переданном через своего узденя Кайчук-Агу, своё присоединение к Мансуру «немалыми обидами» со стороны его предшественника де Медема, который отнял у него и его узденя «безпричино» по 6 тысяч баранов, а также 180 рублей и 5 рабов. На наш взгляд, Али-Султан лукавил, сводя причины своего участия в движении лишь на обиды со стороны ген.-майора Медема. В действительности, помимо естественного недовольства действиями имперских администраторов, значительную роль сыграли религиозные убеждения. Вера в пришествие Махди — спасителя является одной из догм ислама. Нельзя недооценивать роль веры как вдохновителя восстания и сводить всё лишь к социально-экономическим факторам. Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением И.И. Ибрагимова и Д.С. Кидирниязова, что основной причиной размаха движения Мансура и нападения на владения, принявшего российский протекторат грузинского царя, было наступление российской администрации на суверенитет местных народов [32]. Али-Султан, наряду с Чопалавом Муртузали-Аджиевым и Доллом Мударовым, был одним из тех владетелей, кто, по мнению Я.З. Ахмадова, безусловно учитывал в своих действиях общественные интересы и защиту суверенных прав своих народов [33].

«Русский двор, приняв покровительство своё Грузии, обращая виды свои на Армению, старался увеличить число зависимцев своих в Дагестане» [34], потому с достаточной лёгкостью даровалось прощение всем «одумавшимся», как феодалам, так и рядовым участникам событий.

4 августа 1786 года П.С. Потёмкин издал повеление об амнистии жителям Эндирея, принявшим наиболее активное участие в наступлении на Кизляр в предыдущем году. Взамен были вытребованы присяга на верность Екатерине II и аманаты [35]. 1786 год стал переломным в судьбе большинства кумыкских феодальных владений, ознаменовав окончательное оформление вассальной зависимости их правителей от Российской империи.

Что касается дальнейшей судьбы алдынского имама, то к 1787 г. Мансур

утратил былые позиции на всём Северо-Восточном Кавказе и ушёл на Кубань, к черкесам и ногайцам. По мнению Бенигсена, изучавшего османские архивы, именно трёхлетнее пребывание имама на Кубани сыграло решающую роль в исламизации западных адыгов [36]. В 1790 г. адыгско-ногайские отряды под его руководством нанесли серьёзные удары по корпусу Бибикова, вследствие чего тот, понеся большие потери, был вынужден отойти от Анапы, которую он прежде намеревался взять [37]. Лишь поражение Баттал-Паши при реке Тохтамыш 30 сентября 1790 года привело к прекращению эпопеи имама Мансура. В июне 1791 года русские войска вошли в Анапу, где и пленили имама. 15 октября 1791 года он был осуждён на пожизненное заключение за возбуждение народов гор против России и причинение «большого ущерба империи».

Примечания:

1. Единственное исключение — изданная в Грозном в 1991 г. работа Ахмадова Ш.Б. Имам Мансур. Грозный, 1991. С. 266.
2. Бенигсен А. Шейх Мансур. Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 1994. С. 38.
3. Дагестанские исторические сочинения / сост. Г.М.-Р. Оразаев. Махачкала: Эпоха, 2003. С. 324.
4. Бенигсен А. Указ. соч. С. 51.
5. ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 20. Л. 72.
6. Русский биографический словарь. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. Т. XII. С. 314-315.
7. Мусаев А. Шейх Мансур. М.: Мол. гвардия, 2007. С. 144-145.
8. Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур. Грозный, 1991. С. 109.
9. ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 13а. Лл. 358-359.
10. Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 199.
11. Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времён до конца XIX века. М.: Мир дому твоему, 2001. С. 399.
12. Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 199.
13. Мусаев А. Указ. соч. С. 182.
14. ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 13а. Лл. 283-284.
15. Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 159.
16. Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 399.
17. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. СПб., 2011. Ч. 2. С. 178.
18. Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 399-400.
19. Бегеулов Р.М. Центральный Кавказа в XVII — первой четверти XIX века: очерки этнополитической истории. Карачаевск: КЧГУ, 2009. С. 144.
20. Бенигсен А. Указ. соч. С. 51.
21. Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 402.
22. Бенигсен А. Указ. соч. С. 62-63.
23. Там же. С. 50-51.
24. Там же. С. 9.
25. Русско-дагестанские отношения в XVIII- начале XIX в. М.: Наука, 1988. С. 189.
26. Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 196.
27. ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 20. Лл. 95- 95 об.
28. Там же. Д. 19. Л. 2.
29. Данное сословие по своему статусу было схоже с английскими сквайрами и йоменами, российскими «служилыми татарами», исландскими бондами.

---

30. Ибрагимова И.И., Кидирниязов Д.С. Дагестан в стратегических планах России, Ирана и Турции в 80-х гг. XVIII в. // Горские общества Кавказа: проблемы социокультурного, политического и исторического развития. Карачаевск, 2008. Ч. 1. С. 214.

31. Мусаев А. Указ. соч. С. 210.

32. Ибрагимов И., Кидирниязов Д.С. Указ. соч. С. 214.

33. Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 399.

34. Бутков П.Г. Указ. соч. С. 132.

35. ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 21. Лл. 60-60 об.

36. Бенигсен А. Указ. соч. С. 63.

37. Мусаев А. Указ. соч. С. 245-246.

References:

1. The only exception is Sh.B. Akhmadov's work «Imam Mansur», published in Grozny in 1991. Grozny, 1991. P. 266.

2. Bennigsen A. Sheikh Mansur. Makhachkala: RAS DNTs printing house, 1994. P. 38.

3. Dagestan historical works / comp. by G.M — R. Orazayev. Makhachkala: Epokha, 2003. P. 24.

4. Bennigsen A. Mentioned work. P. 51.

5. TsGARD F. 379. Op. 3. 20. L. 72.

6. Russian biographic dictionary. M.: TERRA-Knizhny klub, 2001. V. XII. P. 314-315.

7. Musaev A. Sheikh Mansur. M.: Molodaya gvardiya, 2007. P. 144-145.

8. Akhmadov Sh.B. Imam Mansur. Grozny, 1991. P. 109. 9. TsGARD F. 379. Op. 3. 13a. Ll. 358-359.

10. Akhmadov Sh.B. Mentioned work. P. 199.

11. Akhmadov Ya.Z. History of Chechnya since the most ancient times till the end of the XIX century. M.: Mir domu tvoemu, 2001. P. 399.

12. Akhmadov Sh.B. Mentioned work. P. 199.

13. Musaev A. Mentioned work. P. 182.

14. TsGARD F. 379. Op. 3. 13a. Ll. 283-284.

15. Akhmadov Sh.B. Mentioned work. P. 159.

16. Akhmadov Ya.Z. Mentioned work. P. 399.

17. Butkov P.G. Materials for the modern history of the Caucasus from 1722 till 1803. SPb., 2011. Part 2. P. 178.

18. Akhmadov Ya.Z. Mentioned work. P. 399-400.

19. Begeulov R. M. Central Caucasus in XVII — the first quarter of the XIX century: sketches of ethnopolitical history. Karachayevsk: KChGU, 2009. P. 144.

20. Bennigsen A. Mentioned work. P. 51.

21. Akhmadov Ya.Z. Mentioned work. P. 402.

22. Bennigsen A. Mentioned work. P. 62-63.

23. Ibidem. P. 50-51.

24. Ibidem. P. 9.

25. The Russian-Dagestan relations in the XVIII — the beginning of the XIX century. M.: Nauka, 1988. P.189.

26. Akhmadov Sh.B. Mentioned work. P. 196.

27. TsGARD F. 379. Op. 3. D. 20. Ll. 95-95 об.

28. Ibidem. 19. L. 2.

29. This estate on the status was similar to the English county gentlemen and yeomen, Russian «service Tatars», the Icelandic bonds.

30. Ibragimova I.I., Kidirniязov D.S. Dagestan in the strategic plans of Russia, Iran and Turkey in the 80ies of the XVIII century // Mountain societies of the Caucasus: problems of sociocultural, political and historical development. Karachayevsk, 2008. Part1. P. 214.

31. Musaev A. Mentioned work. P. 210.

32. Ibragimov I., Kidirniязov D.S. Mentioned work. P. 214.

33. Akhmadov Ya.Z. Mentioned work. P. 399.

34. Butkov P.G. Mentioned work. P. 132.

35. TsGARD F. 379. Op. 3. 21. Ll. 60-60 об.

36. Bennigsen A. Mentioned work. P. 63.

37. Musaev A. Mentioned work. P. 245-246.